

В. Д. КУЗЬМИНА

Проблемы изучения переводной литературы древней Руси

Развитие литератур всех народов с древности до наших дней проходило и проходит в непрерывном общении, в результате которого обогащаются национальные культуры. Одной из форм этого обогащения в средние века, как и позднее, являются разнообразные переводы чужеземных произведений

Древняя Русь не только черпала из сокровищницы мировой культуры, но и внесла в нее свой вклад. С XII—XIII столетий известны переводы оригинальных русских произведений на другие славянские языки и создание инославянских произведений по русским образцам или на основании русских источников. Кроме того, в XIII—XVII столетиях древнерусские переводы нередко становились источником аналогичных переводов в югославянских литературах («Пчела», изречения Менаандра, Повесть об Акире, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, многие апокрифы, Историческая Палея и др.).¹

В состав русской литературы вошли произведения Востока (Варлаам и Иоасаф, Акир); сборники изречений античных авторов; византийские хроники, романы, агиография, гимнография; новеллы, романы, драматургия и лирика европейских литератур средневековья, Возрождения и позднейшей поры.

В данной статье, не претендующей на полноту материала, сделана попытка наметить в общей форме некоторые важнейшие вопросы в изучении древнерусской переводной литературы, привлекая отдельные произведения или исследования лишь в качестве иллюстрации

Изучение разнообразной и богатой переводной литературы древней Руси дает возможность ставить различные проблемы, имеющие конкретное историко-литературное и более общее методологическое значение.

Необходимо попытаться дать общее историческое объяснение причин расцвета переводной литературы в различные периоды развития древней Руси, проследить работу крупнейших центров переводческой деятельности не только на Руси, но и за ее пределами.

Одной из важнейших задач является изучение литературной истории произведения на новой почве, что возможно только для советских исследователей, располагающих необходимой полнотой материала (рукописи, лубочные издания, записи устных сказок). Такое изучение дает возможность проследить связь переводной литературы с национальным историко-литературным процессом, проследить на разных стадиях своеобразные формы взаимодействия фольклора с литературой и выявить национально-

¹ Подробнее об этом см. Н. М. Петровский Иларион, митр Киевский и Доментиан, иеромонах Хиландарский — ИОРЯС, т. XIII СПб, 1908, стр. 81—133, М. Н. Сперанский Из истории русско-славянских литературных связей Сборник статей М., 1960, стр. 7—147, 223—224

историческую, классовую и художественную специфику переводных произведений.

Интересно также проследить особенности различных переводов в связи с отсутствием в средние века представления об индивидуальном авторе и воззрением на труд писателя (равно как и на труд художника) как на коллективное творчество. Отсюда — свободные переводы-переложения («История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Девгениево деяние») и быстрое появление руссифицированных редакций (Прение живота и смерти, Бова).

В XVI—XVII вв., в связи с зарождением науки о языке, появлением первых словарей, делаются попытки более или менее точно перевести текст иноземных произведений (Петр Златые Ключи, фацеции).

Изучение лексики, фразеологии и стилистики переводов разного типа наряду с содержанием и проблематикой произведений помогут ответить на вопрос, чем обогатили русскую литературу переводные произведения.

В эпоху средневековья и Возрождения было немало произведений, которые стали широко известны у различных народов: повести древнего Востока (Акир, Варлаам и Иоасаф), жития и апокрифы, рыцарские романы, фацеции и т. п. При изучении таких произведений следует всегда ставить вопрос о различном отражении прямых и опосредствованных контактов в переводной литературе. Так, например, прямой контакт с византийской культурой дал возможность нашим предкам еще в XI—XII вв. воспринять элементы античности и эллинизма в их христианизированном восточном варианте.

Кроме того, утрата ранних списков многих произведений византийской литературы делает необходимым тщательное изучение сохранившихся ранних русских переводов для восстановления утраченного архетипа. Насколько это может быть плодотворным, убедительно показал Н. А. Мещерский в своей талантливой монографии, посвященной «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Правомерно также изучать немецкий текст «Артаксерксова действия» И. Г. Грегори в связи с историей немецкого театра и драматургии XVII в.

С другой стороны, при изучении произведений, созданных в результате опосредствованных контактов, нельзя забывать, что из-за отсутствия представления об индивидуальном авторе в средние века многие произведения литератур Востока и Запада становились известными на Руси в обработках, далеких от оригинала. Так, в XI—XII вв. повести об Акире, Варлааме и Иоасафе пришли к нам в византийских обработках, характер которых необходимо учитывать, определяя идейные и художественные особенности русских текстов.

В XVII столетии сборники новелл средневековья и Возрождения («Великое зеркало», «Римские деяния», апофегматы, фацеции) и рыцарские романы (Петр и Магилена, Оттон и Олунда) переводились у нас не с оригиналов, а с польских вольных обработок. Сравнительное изучение оригинала, польской его обработки, русского перевода (и его последующей литературной истории) позволит проследить отражение в них то сходных, то различных явлений жизни народов, а главное — выявить исторически и классово обусловленное идейное и художественное своеобразие каждого из них.

Наконец, необходимо заняться историографией изучения переводной литературы, подвести итоги и дать точные оценки тому, что сделано как советскими исследователями, так и нашими зарубежными коллегами — славистами и медиевистами в различных странах.

Развитие переводной литературы, тесно связанное с общим историко-литературным процессом, подобно последнему обусловлено общеисторическим процессом и в конечном счете зависит от развития экономики, смены формаций, классовой борьбы. На материале ранней переводной литературы древней Руси это впервые подчеркнул Д. С. Лихачев.

В X—XII вв., «под властным давлением классовых потребностей в собственной надстройке, верхи феодального общества Руси обращаются к Византии и находят здесь многое, что могло оказаться им пригодным».² О непосредственном руководстве правителя работой переводчиков сообщает под 1037 г. «Повесть временных лет»: Ярослав «собра писце многы и прекладаше с ними от гръчьска на словенское письмо и списаша книги многы». Центрами переводческой работы на Руси в это время были Киев, Чернигов, Галицко-Волынская Русь, а за ее пределами такие восточнохристианские центры культуры, как Афон и Константинополь.³

Новый подъем интереса к идейному и художественному наследию Византии наблюдается на Руси после падения Византийской империи, в период образования Русского централизованного государства в XV—XVI столетиях. В это время «феодальный класс Руси возрождает идеи византийской государственной власти, применяя их к власти русского государя, обращается к произведениям византийской литературы, к формам византийского искусства с целью укрепления авторитета государственной власти».⁴ Центры культуры и вместе с ними основные центры переводческой деятельности перемещаются в это время на северо-восток Руси, где Москва становится центром Русского национального государства.

Вопрос о предпосылках широкого развития на Руси переводов в XVII в. до сих пор не привлекал специального внимания исследователей. Между тем они были многообразны.

На Руси в недрах феодального строя возникали в это время первые ростки нового: складывался всероссийский рынок, крепили буржуазные связи. Но феодализм оставался еще прочным и обостренная классовая борьба (крестьянские войны, городские восстания) была стихийной, развивалась всегда под царистскими лозунгами и только еще начинала расшатывать идейные устои феодализма.

Состав переводной литературы отражает ожесточенную борьбу нового со старым, происходившую на Руси в XVII столетии. По-прежнему еще переводятся сборники чудес, житий, нравоучительных новелл, хроники. Часть переводов (но теперь незначительная) делается еще с греческого языка. При этом некоторые греческие произведения у нас в это время не только в переводах с оригинала, но и с западноевропейских переложений. Так, например, если в 1608—1609 гг. Ф. К. Гозвинский, ученый переводчик Посольского приказа, переводит басни Эзопа с греческого, то в 1674 г. А. Винуис переводит те же басни с немецкого («Зрелище жития человеческого»), а в 1675 г. симбирский ротмистр и помещик П. Каминский — с польского языка. Переводится много светских произведений: сборники анекдотов и юмористических новелл, любовно-авантюрные романы и повести.

Продолжительные войны с Польшей и Швецией, долголетняя борьба за воссоединение Украины и Белоруссии, турецкие походы 1680-х годов, многочисленные путешествия на Восток и посольства на Запад приводили

² Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 122.

³ Ср. мнение акад. М. Н. Сперанского о переводе Пролога: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей, Сборник статей, стр. 41.

⁴ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы, стр. 127.

в XVII в. большое количество русских людей в непосредственное соприкосновение с культурой других народов. Поэтому многие произведения становились известными на Руси не только в письменных переводах, но и в устной передаче, причем иногда такая передача предшествовала появлению письменных текстов (Еруслан) или бытовала параллельно с ними, способствуя быстрому возникновению руссифицированных редакций (Бова).

Правительство снова руководит работой переводчиков, намечает круг произведений, подлежащих переводу. Важными центрами переводческой деятельности становятся Посольский приказ и Печатный двор, их значение в этой области изучено пока еще недостаточно.

Преимущественный интерес к светским жанрам в переводах XVII столетия (анекдот, басня, разнообразная юмористика, любовно-авантурные повести) следует не только ставить в связь с «обмирщением» оригинальной литературы, но и пытаться решить проблему в более широком плане развития мировоззрения и философской мысли.

Не случайно в последние годы все чаще обсуждается вопрос об элементах гуманизма в позднем русском средневековье. Понятно, что эту проблему нельзя решать так, как предлагает, например, М. Браун. По его мнению, русская литература XVII столетия действительно выдвинула светских героев, которые имели мужество «отойти от морально-религиозных норм», но в целом о гуманизме в собственном смысле слова на Руси не могло быть речи.⁵ Гораздо более убедительными представляются наблюдения М. П. Алексеева, который прослеживает накопление гуманистических тенденций в русской культуре с XVI в. и отмечает их достаточно широкое развитие в XVII столетии.⁶

Думается, что именно в атмосфере постепенного преодоления средневекового мировоззрения были созданы многие оригинальные произведения XVII в. Открытие ценности индивидуального человека с его переживаниями наложило отпечаток на повести о Горе-Злочастии и о Сухане с их интересом не только к событиям, но и к внутреннему миру героев. В борьбе старого и нового заостряется антиклерикальная и отчасти антифеодалная сатира (Калязинская челобитная, Служба кабаку, Повесть о Ерше и т. п.). Все это создает круг русских читателей, которых может живо интересовать и остроумие Бражника, разоблачающего мнимую святость прославляемых церковью святых, и антифеодалная заостренность некоторых фацетий, и любовно-авантурные романы и повести с их интересом к переживаниям действующих лиц и эмоциональной окраской повествования.

Без сомнения, заслуживает внимания и то, что многие произведения (рыцарские романы, фацетии) становились известными на Руси не в период своего создания, а много времени спустя, когда они стали в Западной Европе народными книгами. В значительной степени прав И. Матль, предлагающий считать западноевропейскую народную книгу XVI—XVII вв. своеобразным «фольклористическим фактом».⁷ Не с этим ли стоит в связи иногда параллельное появление разных редакций переводных романов (Оттон и Олунда, Повесть о царице и львице, два перевода

⁵ M. Braun. Das Eindringen des Humanismus in Russland im 17. Jahrhundert. — Welt der Slaven. Wiesbaden, 1956, № 1, стр. 35—49.

⁶ М. П. Алексеев. 1) Явления гуманизма в литературе и публицистике древней Руси (XVI—XVII вв.). М., 1958 (IV международный съезд славистов. Доклады); 2) Эразм Роттердамский в русском переводе XVII века. — Славянская филология. Сборник статей, т. I, М., 1958, стр. 275—330.

⁷ J. Matl. Deutsche Volksbücher bei den Slaven. — Germanischromanische Monatschrift, t. V, 1955, стр. 193—212.

Повести об Аполлоне Тирском) на Руси и быстрая ассимиляция некоторых из них с национальным устным народным творчеством? Этот вопрос, намеченный И. Матлем, должен быть разрешен совместными усилиями советских и зарубежных медиевистов.

Установление непосредственного источника при изучении переводного произведения — лишь начало историко-литературного исследования. Необходимо затем восстановить литературную историю произведения на русской почве после тщательного анализа по мере возможности всех сохранившихся списков. Полнота изучения очень важна: только такой путь дает возможность выявить то своеобразное, что внесли в произведение не только переводчик, но и многочисленные позднейшие редакторы и переписчики, помогает раскрыть национальную специфику содержания и стиля, сближающую переводное произведение с оригинальной литературой.

При изучении, например, такого жанра, как летопись (хроника), важен не только полный перечень заимствований из иноземных источников, но также установление принципа отбора исторических известий и сказаний, характер их обработки. Последнее одинаково важно при исследовании значения русской «Повести временных лет» для Яна Длугоша и при изучении судьбы польских хроник Бельского, Меховского, Стрыйковского в русской литературе.

При изучении переводного рыцарского романа на русской почве можно ставить цель — проследить эволюцию персонажей, проблематики, стиля в тесном взаимодействии с русской устной народной поэзией (былина, сказка) и литературной традицией (воинская повесть, богатырская повесть XVII—XVIII вв.).

Литературная история переводных произведений и отражений в ней элементов русской исторической действительности и общего хода русского литературного развития до сих пор почти не привлекали внимание исследователей. С этой точки зрения мало изучены многие жанры переводной литературы: агиография, апокриф, легенда, рыцарский роман.

Между тем русские эпизоды в чудесах Николы являются образцами раннего бытового повествования, а чудо пророка Илии в Нижнем Новгороде начала XV в. не только содержит много ценных реалий, но является интересным образцом эмоциональной повести этой поры.

С другой стороны, в русские редакции Повести о Бове включаются элементы, отражающие русскую действительность, общественный и семейный быт XVII—XVIII вв.: строительство новой столицы по приказу молодого государя, вторичные похороны отца героя, описание празднеств, любовные сцены и т. п.

Интересно поставить при изучении переводных произведений XVII в. более общие вопросы о связи их с русским историко-литературным процессом: как соотносились они с общими проблемами, наметившимися в русской литературе этой поры («открытие» человеческого характера, художественный вымысел, интерес к человеческой личности). Думается, что во многих случаях в оригинальных и переводных произведениях решались аналогичные проблемы. Не случайно именно в XVII в., когда создаются многие произведения русской антиклерикальной сатиры (Калязинская Челобитная, Служба бабаку, Кур и лисица и т. д.), русифицируется и Повесть о Бражнике, а фацеции, переведенные с польского языка, воспринимаются как «утешки московские», т. е. сближаются с русской юмористической.

Следует также задуматься над вопросом, всегда ли отбирались переводные произведения по принципу подобия. Нет сомнения, что наличие

сказочных мотивов, известных в эпосе многих народов, до некоторой степени способствовало проявлению интереса к переводным патериковым легендам в XI—XIII вв. и к таким сборникам чудес, как «Звезда пресветлая» или «Грешных спасение» в XVII столетии. Но несомненно также, что в «Александрии» русских читателей привлекали не только батальные сцены, но и самый образ ее героя, не похожий на персонажей русских произведений, и рассказы о «чудовищах и дивовищах» в дальних странах. Не случайно именно эти сказочные эпизоды щедро иллюстрированы в сохранившихся лицевых русских рукописях.

Может быть прослежена преемственность между некоторыми сюжетами переводной литературы и русским народным творчеством. Устные легенды о великом грешнике (позднее обработанные Некрасовым), некоторые бытовые и волшеббно-героические сказки в записях XIX—XX вв. (о «женских увертках», о невинногонимой падчерице, о Бове и т. п.) восходят к произведениям нашей старинной переводной литературы непосредственно или — еще чаще — через посредство многочисленных лубочных изданий XVIII—XX вв.

Роль лубочной литературы как связующего звена между старинной переводной литературой и устным эпосом до сих пор мало изучена. Между тем многие устные сказки на сюжеты старинных повестей и романов в записях XIX—XX вв. являются лишь устными пересказами обработок этих произведений различными лубочными писателями XIX в. (Исаев, Ивин-Кассиров и др.). Поскольку поздняя лубочная литература (1860-е годы—1918 г.) не имеет даже сводки, подобной «Русским народным картинкам» Д. А. Ровинского, следовало бы начать монографическое сравнительное изучение судеб отдельных переводных произведений в лубочной литературе и устной народной поэзии (сатирические бытовые сюжеты, повести о царице и львице, о Францеле Венециане и т. п.).

Наконец, следует привлечь внимание исследователей к изучению непосредственных преемственных связей между переводной литературой XI—XVII вв. с русской литературой XVIII в. (авантюрные повести XVIII в. и традиции переводного романа XVII в., инсценировка переводных рыцарских романов, житий, фацеций в рукописной русской драматургии XVIII в. и др.).

Вопрос о творческом освоении чужеземных образцов наглядно может быть разрешен на материале ранней русской драматургии конца XVII—начала XVIII столетия. Изучение рукописных собраний позволило советским исследователям значительно расширить круг произведений, которые были известны Н. С. Тихонравову в 1860—1870-х годах, при создании двухтомника «Русская драматургия 1672—1725 годов». Не говоря о большом количестве интермедий, достаточно назвать одно «Артаксерксово действо», считавшееся утраченным и ныне известное в двух списках с параллельным немецким текстом. Большой интерес представляет также сценическая история пьес об Эсфири, о царице и львице, сохранивших популярность в XVIII в., но восходящих к инсценировкам или переводным романам XVII столетия. Специального рассмотрения заслуживает вопрос о польско-украино-русских связях в области ранней рукописной бытовой драматургии (интермедии, монологи и диалоги, сцены и комедии).

Особое место в исследованиях советских историков литературы должен занять вопрос об обработке сюжетов переводной агиографии и апокрифов писателями нового времени («Житие Филарета» Радищева, «Житие Феодоры» Герцена, проложные легенды в изложении Лескова и Л. Толстого, повесть о гордом царе у Гаршина, библейские и апокрифические легенды о царе Соломоне как источник повести Куприна «Суламифь» и др.).

Обзор истории изучения переводной литературы древней Руси, систематическое приведение в известность всего того, что сделано в этой области в советской науке и за рубежом, поможет исследователям яснее представить себе проблемы, наименее освещенные и требующие разрешения.

Монографические работы по переводной литературе были у нас немногочисленными, но немало новых точек зрения, являющихся итогом именно разысканий, основанных на монографических исследованиях, было высказано в главах, посвященных переводной древнерусской литературе XI—XVI столетий, в десятитомной «Истории русской литературы» (тт. I и II). Нельзя не вспомнить также талантливо написанную и иллюстрированную научно-популярную книгу А. С. Орлова «Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков» (Л., 1934). Бесспорную ценность представляют советские сводные библиографии и библиографические пособия, в которые вошли произведения древнерусской переводной литературы.⁸ Полезны по этой теме как ежегодные сводки в зарубежной славистической печати («Revue des études slaves», «Welt der Slaven», «Zeitschrift für slavische Philologie» и т. п.), так и обзоры ее, помещаемые в советской научной периодике («Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», «Известия Отделения литературы и языка АН СССР» и т. д.).

Не все равноценно в зарубежных исследованиях по древнерусской переводной литературе.

Правильному разрешению вопроса очень способствуют исследования, подобные докладу Г. Рааба на IV международном съезде славистов. Раскрыв конкретный нижненемецкий источник Прения живота и смерти, автор разъяснил обстоятельства его появления на Руси, введя новый конкретный материал и тем самым поставив исследование русско-немецких связей в XV в. на прочную историческую основу.⁹ Собранные Г. Раабом сведения о Варфоломее Готане, без сомнения, представляют широкий интерес, хотя в нем и нельзя видеть, на мой взгляд, предшественника Ивана Федорова, как полагает автор.

Менее ценны монографии вроде книги Риты Грeve о Бове на русской почве. Не имея возможности изучить весь материал (рукописные тексты, лубочные издания, устные варианты) и восстановить литературную историю произведения на основе текстологического анализа, исследовательница пришла к неверным выводам, отрицая творческий характер русских рукописных и лубочных редакций повести.¹⁰

Недостаточной оснащенностью вследствие неполноты материала отличается также острая статья известного слависта Б. О. Унбегауна.¹¹

⁸ Н. К. Пиксанов Старорусская повесть. М.—Пг., 1923; В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть. Библиография истории древнерусской литературы. Вып. I. Л., 1940; А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955; В. А. Колобанов, О. Ф. Коновалова и М. А. Салмина. Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг. М.—Л., 1956.

⁹ H. Raab. Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums. — Zeitschrift für Slavistik. Berlin, 1958, Bd. III, Heft 2—4, стр. 323—335.

¹⁰ Rita Greve. Studien über den Roman Buovo d'Antona in Russland. — Osteuropa-Institut an der freien Universität Berlin, Slavistische Veröffentlichungen, Bd. 10. Berlin, 1956. Р. Грeve оказались недоступными или неизвестными монография Д. А. Ровинского «Русские народные картинки» (тт. I—V, СПб., 1881), позднейшая сводка А. Мальмгрена «Русские народные картинки» (Митава, 1915), книга Е. П. Иванова «Русский народный лубок» (М., 1937) и все изданные в советское время записки сказки о Бове.

¹¹ B. O Unbehaun. Polkan oder vom italienischen Halbhund zum russischen Kriegsschiff. — Zeitschrift für slavische Philologie. Heidelberg, 1959, Bd. XXVII, Heft 1, стр. 58—72.

Еще встречаются работы, авторы которых анализ переводных произведений сводят к сопоставлению комплекса мотивов, пренебрегая идейной основой и проблематикой.¹²

Наконец, часть зарубежных славистов и византинистов пытается отрицать значение некоторых древнерусских переводов (в частности, так называемого «Девгениева деяния»), утверждая без достаточных аргументов, будто основой их является поздняя устная передача старинного сюжета.¹³

Дело чести советских исследователей изучить древнерусскую переводную литературу, используя наше несомненное преимущество — возможность привлечь для анализа всю совокупность русского материала: рукописи, лубочные сказки, устные варианты, литературные обработки и реминисценции. Лишь на основе серьезных монографических исследований можно показать шаткость и ошибочность выводов, проистекающих из неполноты материала (или недостаточной осведомленности), раскрыть несостоятельность некоторых теорий и отдельных попыток снизить значение древнерусской культуры.

¹² A. Schmaus. Philopappos-Maximo-Szene und Kaiserepisode im altrussischen Digenis. — *Byzantinische Zeitschrift*, München, 1951, Bd. 44, стр. 495—508; W. J. Entwistle. Bridesnatching and the Deeds of Digenis. — *Oxford slavonic papers*. Oxford, 1953, vol. IV. стр. 1—16.

¹³ André Mazon. Chronique. — *Revue des études slaves*. Paris, 1950, vol. XXV, стр. 187; André Vaillant. Le Digenis slave. — *Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор*. 1955, к. 21, св. 3—4; *Digenes Akritas edited with an introduction, translation and commentary by John Mavrogordato*. Oxford, 1956.